

Саитбатталов Искандер Расулевич

**"ИНДИЙСКАЯ" СИЛСИЛА ШЕЙХОВ ИЗ РОДА КИИКОВЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
БАШКИРСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В XIX ВЕКЕ**

В статье на материале биографических, агиографических и энциклопедических сочинений XIX - начала XX века рассматриваются цепи духовной преемственности двух поколений суфийских шейхов из рода Кииковых, анализируются внутренние психологические и социальные мотивы принятия в братства, механизмы и богословское обоснование поиска и смены суфийского наставника. Автор рассматривает суфийские посвящения от шейхов, проживающих в Святой земле, как одну из форм межкультурной коммуникации в традиционном обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 41-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.141

В статье на материале биографических, агиографических и энциклопедических сочинений XIX – начала XX века рассматриваются цепи духовной преемственности двух поколений суфийских шейхов из рода Кииковых, анализируются внутренние психологические и социальные мотивы принятия в братства, механизмы и богословское обоснование поиска и смены суфийского наставника. Автор рассматривает суфийские посвящения от шейхов, проживающих в Святой земле, как одну из форм межкультурной коммуникации в традиционном обществе.

Ключевые слова и фразы: суфизм; Накшбандиййа; ислам; агиография; Башкортостан; поэзия.

Сайтбатталов Искандер Расулевич, к. филол. н.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
saitbattaloff@yahoo.com

«ИНДИЙСКАЯ» СИЛСИЛА ШЕЙХОВ ИЗ РОДА КИИКОВЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БАШКИРСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В XIX ВЕКЕ

*Материал подготовлен в рамках поддержанного РФФИ проекта
№ 17-04-00193 «Исторический корпус башкирского языка».*

Силсила (от арабского سلسلة – ряд, цепь) в суфизме представляет собой последовательность учителей каждого шейха, которая восходит непосредственно к пророку Мухаммаду [3, с. 278]. Её наличие является непременным условием легитимности суфийского наставника. Знание духовной родословной вменялось в обязанность членам религиозно-мистических братств, поэтому *силсилы* заучивались наизусть, фиксировались в составе письменных разрешений на наставничество *иджазнама* и в качестве отдельного текста *силсиланама* [2, с. 135]. *Силсила* как документ является важным письменным источником, так как позволяет проследить взаимосвязи внутри суфийских братств, хронологию и географию распространения конкретных традиций и сопряжённых с ними взглядов и практик, а также наглядно демонстрирует сеть неформальных связей между лидерами мусульманской общины в определённом регионе.

Ключевую роль в духовной жизни мусульман Башкортостана в XIX – начале XX века играли различные ветви суфийского братства Накшбандиййа, происходящие, прежде всего, из Средней Азии. Исследования цепи духовной преемственности накшбандийских шейхов региона велись в контексте описания взаимоотношений между интеллигентами внутри общины [4] и анализа административного преследования З. Х. Расулева [6; 8]. Пример анализа *силсилы* как документального источника автору известен один [2].

В рукописных и печатных работах Мухаммада-‘Али ал-Чукури (1828-1889) и его сына ‘Арифуллаха Киикова (1861-1918) содержатся достаточно обширные сведения о цепях преемственности и характере духовных исканий суфиев Башкортостана. Краткий анализ этих данных и составляет предмет настоящей статьи.

Башкирский поэт, историограф, имам мечети в с. Старый Чукур (ныне Татышлинский район Башкортостана), суфийский шейх Мухаммад-‘Али ибн ‘Абд ас-Салих не только создал ряд теоретических и полемических трудов по *тасаввуфу*, но и описал в своей поэзии и прозе процесс духовных исканий и внутренних переживаний, которые предшествовали посвящению в суфийские братства, сопровождали мистика во время дальнейшего следования по избранному пути *тарики*, а также попытка дать этим поискам богословское обоснование. Информация о мистических исканиях М.-‘А. Чукури содержится его в прозаических сочинениях «Машайх-и Али Гари Бахари» [11, с. 220-222] и «Таварих-и Булгариййа йаки Такриб-и Гари» [12], автобиографической поэме «Китаб ал-асма’» [11, с. 191-209] и касыде «Кафиййа ал-асар» [10].

В первом тексте автор сообщает, что начальные наставления в тихом зикре (*талкин-и зикр-и калб*) получил между восемью и десятью годами от отца – имама и шейха ‘Абд ас-Салиха ибн ‘Абдула (1797-1850), когда присутствовал при его упражнениях с *муридом* из соседней деревни. Формулировка этого наставления, адресованного ребёнку, была предельно простой: «Сначала принимают покаяние, потом получают наставление в поминании Аллаха сердцем, затем обращают внимание на сердце и, продолжая это, получают долю» [11, с. 220]. Согласно этому тексту, будущий поэт продолжал духовные упражнения под руководством учителя медресе в деревне Югомаш (ныне Янаульский район Башкортостана) Тавабила ибн Сабака [7, с. 319].

В книге «Китаб ал-асма’» поэт в изящных бейтах, насыщенных арабскими и персидскими словами, описывает душевный кризис, который постиг его в 16-летнем возрасте во время учёбы в медресе села Танып (ныне Бардымский район Пермского края) на фоне успехов в искусстве рецитации Корана и вызванного ими восхищения окружающих и завершился уже осознанным вступлением в число людей *тарикиата*.

*В эту изменчивую эпоху хитрость и испорченность
Находят спутника, делают многих решительных вялыми.
А в скоротечной жизни разум бессилён,
Потому в оковы нафса попали современники.
Сердце [хитрость и испорченность] сделало склонным к страстям,
Страсти – желанными для этого несчастного.
Солнце вступило в созвездие хамал,
Сердце склонилось к добродетели.*

*От [месяца] хамал до [месяца] асад любовь сердец
Проявила себя для нас ярким сиянием...
Пожелав от Истинного наилучшего добра,
Этому добру не найдётся числа,
Сказал [я]: «Господи, дай мне вечное,
Да прогоню из души любовь к преходящему».
Моё желание принял Бог,
Сделал любезным людям тасаввуфа [11, с. 195].*

Очевидно, тогда его наставником стал некий Мухаммад-Мурад Бадахшани. Его отношения с *муридом*, по видимому, были далеки от идеальных: если в «Таварих-и Булгариййа...» он упоминается как «наш шейх господин Мухаммад-Мурад Бадахшани» [12, л. 446], то в «Машайх...» автор специально отмечает, что «считал его только наставником для бесед (*шайх-и сухбат*)» [11, с. 201]. По предположению М. Кемпера, третья часть арабоязычного сочинения ал-Чукури «Фасс ал-ахйар» направлена именно против него [4, с. 505].

Следующим наставником поэта стал Харис ибн Ни'матуллах ал-Истерлибаши (1810-1870), под руководством которого Мухаммад-Али Чукури не только приносил покаяния и исполнял зикр, но и предавался аскезе (*рийазат*) и пребывал в уединении (*халват*), за что даже получил прозвище ал-Халвати. Касыда «Кафиййа ал-асар» посвящена отцу этого наставника Ни'матуллаха ибн Биктимиру (ум. 1844) и содержит не только восхваления по его адресу, но и эпизоды с самоанализом автора:

*О, где для меня друг, который будет в печали с каждым дыханием?
Желая зимой и летом – остаюсь с печалью каждый год.
От милости любезных спутников, от дороги удовольствий,
От райского нектара нежности – остаюсь с печалью каждый год.
Если, решившись отправиться в путь, делаю шаг, опаздываю,
Моё правое дело оборачивается налево – остаюсь с печалью каждый год [10, с. 13].*

Согласно «Машайх...», после смерти шейха Хариса поэт общался ещё с четырьмя наставниками, но так и не смог найти нужного и только во время хаджа в 1872 году встретил своего последнего, истинного духовного руководителя, который назначил его своим заместителем: «После, достигнув Высокочитимой Мекки, в присутствии многочисленных в дни хаджа великих шейхов, мы снова дни и ночи занимались воспитанием сердец. В завершении, в благородном присутствии шейха шейхов и полюса полюсов господина Мухаммада-Мазхара ал-Ахмади ал-Фаруки, да помилует его Аллах, мы совершили обновление завета и подтверждение присяги, испросили благословения и [оказали ему] почести. И после исполнения действий хаджа, отправившись в Лучезарную Медину, по завершении дел зийарата и практик 'умры, после прощальных и случайных встреч, во время прощального собрания с его величеством полюсом полюсов, проявилось всё внимание и благосклонность и этого несчастного (М.-'А. Чукури) назвали слугою нуждающихся» [11, с. 221].

Заметка завершается кратким богословским обоснованием смены духовного наставника со ссылками на авторитет сподвижников пророка, имама Абу Ханифы и поэта Ахмада Йасави [Там же, с. 220]. Её появление могло быть связано как с противостоянием кругу Мухаммада-Мурада Бадахшани, так и с разворачивающимся в это время «делом» Зайнуллы Расулева, обвинённого в насаждении недопустимых религиозных практик после хаджа 1870 года и получения *иджазы* от шейха Зийа ад-Дина Гумушханави [8, с. 22]. Неслучайно автор смену шейхов описывает не как безусловно осуждаемое «оставление наставника», а как «обновление завета и подтверждение присяги».

Наиболее полные и систематизированные данные о духовной преемственности трёх башкирских шейхов из рода Книковых – 'Абд ас-Салиха ибн 'Абдула, Мухаммад-'Али ибн 'Абд ас-Салиха, 'Арифутлаха ибн Мухаммад-'Али представлены в энциклопедическом труде «Асар» Риза ад-Дина ибн Фахр ад-Дина [9, с. 209-210], агиографическом сочинении «'Айн ар-Риза» 'Арифутлаха ибн Мухаммад-'Али, *силсиле* шейхов *тариката* Накшбандиййа из собрания ИИЯЛ УНЦ РАН [2], работе Михаэля Кемпера [4, с. 498-500]. В составе архива 'Арифутлаха ибн Мухаммад-'Али, найденного имамом Б. С. Арманшиным и оцифрованного нами, на листах 327-328 и 336-337 содержатся *силсила* и *вирд* братства Накшбандия соответственно. Последним, тридцать четвёртым, в них указан 'Арифутлаха ибн Мухаммад-'Али.

Из названных источников следует, что 'Абд ас-Салих ибн Абдул был учеником некоего Рахматуллаха ибн 'Абдуса и сам воспитывал мюридов, а у его сына Мухаммад-'Али было четыре *иджазы* – от отца, от Хариса ибн Ни'матуллаха ал-Истарлибаши, от Мухаммада-Мурада Бадахшани, от Мухаммада-Мазхара ал-Мадани. Если первые три линии являются обычными для суфиев Башкортостана и восходят к среднеазиатским шейхам *тариката* Накшбандиййа-Муджадидиййа, то последняя представляет большой исследовательский интерес.

Михаэль Кемпер приводит некоторые сведения о том, что эта *силсила* восходит непосредственно к Ахмаду Сирхинди, но не даёт каких-либо биографических данных о мединском наставнике башкирского поэта. Русскоязычные упоминания об этом шейхе крайне немногочисленны: 1) сообщается, что он был первым мединским наставником историка и переводчика Мурада Рамзи ал-Минзалави (1854-1934) [6, с. 197]; 2) в работе «Услада умов в биографиях дагестанских ученых» Назира Дургели говорится, что его преемником был 'Абд ал-Маджид сын ал-Хусайна ад-Дагистани аш-Ширвани, и сообщается дата смерти шейха – 16 октября 1884 года [1, с. 143]; 3) в работе «Рихлат ал-Марджани» Шихаб ад-Дина Марджани описано совместное с шейхом посещение могилы пророка Мухаммада в 1880 году, а также сообщается имя его отца (Ахмад-Саид) и *нисба* – ал-Хинди [5].

Из самого текста *силсилы*, которая включает 34 имени (1 – пророк Мухаммад, 34 – ‘Арифутлах Кииков), следует, что разделение с цепочкой, ведущей к Нийазкули-хану Туркмани и через него к шейхам Истерлибашши, произошло на 26-м поколении от пророка, после шейха Мухаммада-Ма‘сума, сына и преемника Ахмада Сирхинди. После 29-го имени (‘Абдуллах Гулам ‘Али) эта *силсила* разделилась с цепочкой Накшбандиййа-Халидиййа, ведущей через три поколения к Зайнулле Расулеву [6, с. 161].

Личности, перечисленные в *силсиле мазхариййа*, становились предметом изучения англоязычных авторов из Индии и Пакистана, а также малазийских, индонезийских и нидерландских исследователей.

Тридцатым в этой *силсиле* назван шейх Абу-Са‘ид ал-Ахмади ад-Дехлеви (1782-1835) – потомок Ахмада Сирхинди в шестом поколении, автор персоязычного трактата «Хидайат ат-Талибин», каллиграф. Он был посвящён в три *тариката* – Накшбандиййа, Кадириййа и Чиштиййа [14]. Его сын и преемник Ахмад-Са‘ид (1802-1860) характеризуется как «один из самых популярных шейхов Индии», прекрасно образованный человек, сильный специалист по хадисам. Он был одним из духовных лидеров национально-освободительного восстания 1857-1858 годов, из-за чего вынужден был эмигрировать в Медину. Его преемниками стали 72 человека на субконтиненте и в других странах. Шейх Ахмад-Саид оставил богатое литературное наследие: три трактата о достоинстве *мавлуда* (на урду, персидском, арабском), арабоязычное сочинение против ваххабитов, две работы о суфийских духовных упражнениях, 137 изданных писем [Ibidem]. Мухаммад-Мазхар (1831-1884) был его четвёртым сыном и шестым преемником. Он родился и вырос в Дели, вместе с отцом покинул Индию и стал одним из наиболее активных проповедников тариката Накшбандиййа в Хиджазе. Он основал три обители в Медине, которые получили название «Рибат ал-Мазхариййа», активно занимался воспитанием учеников из разных стран (среди них были турки, арабы, кавказцы, жители Юго-Восточной Азии) [15, р. 210]. Им был написан труд «Манакиб ва макаमत-и ахмадиййа-и саидиййа», экземпляр которого включён в уже упомянутый архив ‘Арифутлаха Киикова (с. 38-325).

Ответвление ордена Накшбандиййа-Муджадидиййа, к которому принадлежали все названные выше шейхи, имеет два названия – Мазхариййа (в честь Хабибуллаха Джан Джанана Мазхара) и Ахмадиййа (в честь Ахмада-Са‘ида). Последнее название объясняет *нисбу* шейха Мухаммада-Мазхара в заметке «Машайх...». Последователи этого направления до сих пор есть в Индии, Пакистане и на острове Мадуро в Индонезии [13, р. 225].

Кроме Мухаммада-‘Али Чукури, среди учеников Мухаммада-Мазхара были названные выше ‘Абд ал-Маджид ибн Хусайн из Дагестана [1, с. 143], Мухаммад-Салих аз-Завави, чьи преемники способствовали распространению ордена Накшбандиййа-Муджадидиййа в малайском мире, ‘Абдуллах ас-Са‘иди, сохранивший крупное медресе в селе Муллакай (ныне Баймакский район Башкортостана), имам Гайнан ибн Вилдан из села Тайми (ныне Салаватский район Башкортостана) [9, с. 241], Мурад Рамзи ал-Минзалави [6, с. 190] – историк, автор фундаментального труда «Талфик ал-ахбар» и переводчик трактатов Ахмада ас-Сирхинди с персидского языка на арабский.

Последний состоял в переписке с ‘Арифутлахом Кииковым, сохранились два его письма – от 8 июня 1895 года и от 25 марта 1902 года. Очевидно, ‘Арифутлах Кииков и Мурад Рамзи познакомились во время хаджа 1894 года. Тогда же ‘Арифутлах Кииков, следуя примеру отца, получил *иджазу* от преемника Мухаммада-Мазхара по имени Ибрахим ал-Газнави. Данных о нём нам обнаружить пока не удалось, однако сохранилось 8 его писем к башкирскому писателю на арабском языке, которые ждут своего исследователя и переводчика.

Проведённый анализ демонстрирует, что поиск новых *муришдов* и присоединение к ним, особенно во время хаджа, не были для башкирских суфиев редким и из ряда вон выходящим явлением. Башкирские наместники мединских и стамбульских шейхов выработали свою, очевидно, действенную методику обоснования дозволенности такого выбора, охотно принимали учеников и выдавали некоторым из них разрешения на наставничество, распространяя тем самым *силсилы*, не происходящие напрямую из Средней Азии. Такая переориентация, по-видимому, была вызвана тем, что среднеазиатская учёность и модель праведной жизни к середине XIX века оказались не в состоянии адекватно ответить на духовные запросы и нравственные вызовы, с которыми сталкивались российские мусульмане. Первым кризисные явления такого рода и разочарования ищущих отметил поэт ‘Абд ар-Рахим Утыз-Имани ещё на рубеже XVIII-XIX веков, затем проявился интеллектуальный раскол (случай с Абу-н-Насром Курсави и Ш. Марджани), после Бухара и Хива, очевидно, утратили и нравственный авторитет. Получение *иджазы* от шейхов из признанных центров мусульманского мира означало для башкирских суфиев вхождение в глобальную интеллектуальную корпорацию, связывающую их как с древними и бесспорно почитаемыми религиозными центрами, так и с наиболее динамично развивающимися мусульманскими регионами.

Список источников

1. Дургели Н. Услада умов в биографиях дагестанских ученых / пер. с арабского, комментарии, факсимильное издание, указатели и библиография подготовлены А. Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А. К. Бустановым. М.: Марджани, 2012. 220 с.
2. Искандарова С. А. Сильсия башкирских шейхов тариката Накшбандия // Мусульманский мир Российского Востока: традиции и новации: материалы международного научно-практического симпозиума, посвященного 180-летию со дня рождения шейха Зайнуллы Расулева / сост. Г. Б. Азаматова, Л. Ф. Тагирова, М. Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 135-138.
3. Ылмаз Х. К. Тасаввуф и тарикаты / пер. с турецкого. М.: Сад, 2007. 300 с.
4. Кемпер М. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. И. Гилязова. Казань: Российский исламский университет, 2008. 588 с.

5. **Марджани Ш.** Путешествие Марджани [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dumrf.ru/islam/theology/1690> (дата обращения: 01.10.2017).
6. **Расулев З.** Божественные истины / пер. с арабского; сост., комм. И. Р. Насырова. Уфа: Китап, 2008. 240 с.
7. **Сайтбатталов И. Р.** Заметка «Машайих ‘Али Гари Бахари» М.-А. Чукури как биографический и литературный источник // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда А. З. Валиди Тогана: в 2-х книгах. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. Кн. 2. С. 318-321.
8. **Фархшатов М. Н.** «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872-1917): власть и суфизм в пореформенной Башкирии: сборник документов / сост., автор предисл., введения, коммент., прим., указ. и глоссария М. Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 356 с.
9. **Фәхрәтдинов Р. Ф.** Найланма әсәрзәр. Өфө: Китап, 2009. 304 б.
10. **Чукури М.-‘А.** Кафиййа ал-асар: рукопись. 26 с. // Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А. З. Валиди. Р-3938.
11. **Чукури М.-‘А.** Манзумат-и и ‘Алиййа: рукопись. 238 с. // Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди. Р-3940.
12. **Чукури М.-‘А.** Таварих-и Булгариййа йаки Такриб-и Гари: рукопись. 60 л. // Институт восточных рукописей РАН. В-2662.
13. **Bruinessen M. van.** After the days of Abû Qubays // Indonesian transformations of the Naqshbandiyya-Khâlidîyya. Journal of the History of Sufism. 2007. № 5. P. 225-251
14. **Ghaffari T.** Shah Ahmad Saeed Mujaddidi Faruqi Madani (1802-1860) [Электронный ресурс]. URL: <http://maktabah.org/blog/?p=413> (дата обращения: 01.10.2017).
15. **Mahyuddin M. K., Stapa Z., Badaruddin F.** The Arrival of Naqshabandi Order from Hijaz to the Malay World: 16th until the Early 19th Century // International Journal of Business and Social Science. 2013. Vol. 4. № 1. P. 206-212.

“INDIAN” SILSILA OF SHEIKHS FROM KIKOV DYNASTY AND INTERCULTURAL RELATIONS OF BASHKIR INTELLECTUALS IN THE XIX CENTURY

Saitbattalov Iskander Rasulevich, Ph. D. in Philology
Bashkir State University, Ufa
saitbattaloff@yahoo.com

The article by the material of biographical, hagiographical and encyclopedic works of the XIX – the beginning of the XX century examines the chains of spiritual continuity of two generations of the Sufi sheikhs from Kikov dynasty, analyzes internal psychological and social motives to enter the brotherhoods, the mechanisms and theological justification of finding and changing the Sufi mentor. The author considers the Sufi initiations from sheikhs residing in Holy Land as one of the forms of intercultural communication in the traditional society.

Key words and phrases: Sufism; Naqshbandiyah; Islam; hagiography; Bashkortostan; poetry.

УДК 654.1

Статья посвящена рассмотрению особенностей, основных свойств и характеристик авторского и телевизионного документального кино. Дается сравнительный анализ ключевых типов документального кино и их влияния на процесс телепрограммирования. В статье автор подводит некоторые итоги изучения видов документального кино, которые также необходимы для исследования особенностей восприятия телеаудиторией документальных фильмов, различных не только по структуре и свойствам, но и по первопричине их создания.

Ключевые слова и фразы: документальное кино; телевидение; программирование эфира; авторское кино; телевизионное кино.

Степанян Айк Ваганович

Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван
haykstep@yahoo.com

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО И ТЕЛЕВИЗИОННОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

Документальное кино, представляя собой синтез журналистики и искусства, телевидения и кинематографии, публицистики и экранной драматургии, занимает важнейшее место в телеэфире. Телевидение Армении в этом смысле не является исключением. Документальное кино не только сыграло большую роль в становлении армянского телевидения, но и продолжает составлять его часть, выполняя ряд важных функций. Несмотря на заметную тенденцию сокращения эфирного времени в телепрограмме Армении за последние годы, документальное кино имеет собственную аудиторию, методы проявления на экране и перспективы развития.

Сегодня принято выделять два вида документального кино: авторское и телевизионное, каждое из которых имеет характерные черты и свойства.

Хронология авторского документального кино начинается с истоков кинематографии. Пройдя долгий путь от простой хроники до полнометражного авторского фильма, документальное кино с большого экрана переместилось на малый, обмениваясь накопленным опытом, средствами выразительности, методологией и т.д.